

«СВИСТ ПЕРВОЙ ПУЛИ НАД ГОЛОВОЙ ЗАСТАВИЛ О МНОГОМ ЗАДУМАТЬСЯ»

Молодость отчаянна, а война – не место для романтики». Во время нашего разговора эту фразу несколько раз повторил Николай ПОДРЕЗОВ (на снимке). Беседа длилась недолго. Она была наполнена короткими, но содержательными предложениями. Сразу видно, что мужчина без особого удовольствия вспоминает события тридцатилетней давности: почти два года пребывания на передовой афганской войны, механик-водитель БМП, снайпер... Когда я слушала рассказ Николая Петровича, невольно подумала: кто прошёл через жернова Афганистана, тот не спешит описывать службу в красках, предпочитая красноречию сдержанные обрывки воспоминаний.

– Я родился в Россонах, здесь же учился в школе и из райцентра уходил в армию. Это было 9 ноября 1981 года. Вначале нас, новобранцев, привезли в Минск, а уже оттуда отправили в «учебку». Ещё до службы в армии успел получить профессию, поэтому меня направили в город Ашхабад Туркменской ССР учиться на механика-водителя боевой машины пехоты. По сути, в «учебке» нужно было проучиться полгода, но мы прошли курс в ускоренном режиме, и уже после четырёх месяцев нас отправили в Афганистан. 25 апреля 1982 года впервые ступил на эту землю. Попал в Кабул. По назначению должны были охранять штаб армии. Но непосредственной боевой задачей была только охрана дорог. А я как механик-водитель БМП перебрасывал пехоту, по территории Афганистана сопровождал колонны «смертников». Даже ходил в одну из Панджширских операций. Моё участие продолжалось недолго. Где-то километров 200 прошёл, а потом машина подорвалась на mine. Получил осколочное ранение. После госпиталя направили на охрану Баграмской дороги. До демобилизации там и прослужил. Из Афганистана вернулся 12 января 1984 года. Вот и вся моя повесть, – докуривая сигарету, скромно подытожил мой собеседник.

Однако в моём блокноте было набросано порядка десятка вопросов, поэтому так быстро завершать беседу не было в моих планах. Спрашиваю дальше – о службе, о воинской дружбе и об отношениях солдат с местным населением.

– Я попал в роту, где нас, русских, было всего человек десять. Остальные – таджики и узбеки, то есть мусульмане. Между собой им разрешалось разговаривать на родном языке, а с нами – только на русском. Много было случаев, когда они переходили на сторону маджахедов. Поэтому чаще всего на службу в Афганистан посылали православных – украинцев, молдаван, белорусов, русских. Конечно, среди нас присутствовали и мусульмане, но потом их было очень мало. После демобилизации и до тех пор, пока не развалился Советский Союз, поддерживал связь со своим оператором. Переписывались. Он мусульманин, таджик по фамилии Агаев, но с привычным для нас именем – Анатолий, – рассказывает Николай Петрович.

– Когда местное население видело в кишлаке человека с автоматом вроде бы нормально принимали. Но всё равно надо было остерегаться, чтобы тебе в спину кто-нибудь не высадил обойму. Пока ты ходишь по селению, никто тебя не тронет. А как только покидаешь его пределы, могло случиться всякое. Местные жители были прекрасно вооружены. Они располагали такими дробовиками, которых я отродясь не видал. Но в основном это были английские винтовки. Даже дети умели стрелять.

После некоторой паузы мужчина продолжил:

– Нам, механикам, запрещалось ездить по-боевому, внутри машины. Голова должна была находиться постоянно на поверхности. Это объяснялось очень просто. Если подорвёшься на mine, тебя «размажет» по стенкам. А так хоть без ног, но выберешься. Каждая поездка могла стать последней. Управляя машиной, знал, что где-то рядом со мной смерть...

Как правило, механики не были мишенью «духов». Они старались «вывести» оператора и башню из строя.

Где-то пехоту или десантников зажмут «духи», выезжаем, постреляем. Всё боекомплекты выпустим, разворачиваемся и уходим. Подзаряжаемся – и опять туда. И по кишлакам ездили на БМП, а сзади за машиной шла пехота. БМП служила для них хоть каким-то прикрытием. Конечно, служба мёдом никогда не казалась. И тот, кто прошёл через Афган, будет помнить это всю жизнь, – отмечает мой собеседник. –18-19 лет. Пацаны. В этом возрасте мало что осознаётся и понимается. Что мы видели? Отчаянная молодость играла, кровь кипела вовсю. Но когда над головой просвистела первая пуля, начал задумываться о том, что меня ждут дома...

На протяжении лет двадцати после службы мне часто снились сны про Афганистан. Сейчас – если только фильм какой-нибудь просмотришь. Но как только услышу слово «Афганистан», сразу переключаюсь на другой канал. Я могу посмотреть этот фильм, со мной ничего не станет, но тогда можно спать не ложиться. Всё перед глазами. Смотришь на них, а представляешь себя. Служба очень «побила» нервную систему. До двух считать не могу и не умею.

В завершение нашей беседы Николай Петрович, как бы в оправдание своей немногословности, пояснил:

– Мне трудно вспоминать. Я вот сейчас с Вами поговорю, и стопроцентно обеспечена бессонная ночь. Стараюсь о том, через что прошёл в Афганистане, не вспоминать. Только 15 февраля, когда собираются все вместе воины-интернационалисты, вспоминаем, говорим, каждый поделится своей историей. Те, кого связал Афганистан, это круг, где тебя понимают с полуслова и полувзгляда.

*АЛЁНА БОРОДУЛЬКИНА,
фото автора*